

О классовом и демографическом составе СССР

Сколько сейчас населения в СССР? Как оно распределяется между городом и деревней? Из каких классов складывается «безклассовое» советское общество? Какова их численность? Без ясного представления об этих вопросах нельзя подходить к русской загадке. Без ответа на них, никто из всех, интересующихся ближайшими событиями и «судьбами» России, обойтись не может. Проведенная в январь 1937 г. всеобщая перепись должна была нам принести знание по всему кругу указанных проблем, но цифры ее оказались в таком противоречии со всеми декларациями правительства Сталина, что перепись была объявлена вредительской и данные ее, увы, неподлежащими опубликованию. Больше всего ударил кремлевских властителей итог общего населения. Исходя из презумпции, что в России люди вообще размножаются, как кролики, а в условиях «счастливой социалистической жизни» тем больше, они были уверены, что, несмотря на произведенные кровопускания, население должно быть к 1937 году около 180 миллионов душ. А сколько показала перепись? Я уже сказал: в Москве молчат. С. Н. Прокоповичу (см. его бюллетень за январь-февраль 1938 г.) принадлежит очень большая заслуга: он развлек тайну и на основании ряда прямых и косвенных показателей, подвергая их критическому анализу, дал цифру населения. По его мнению, оно к 1937 году — 154.686.000 душ. Попробуем проверить эту цифру, иди другим, чем Прокопович, путем.

На VII съезде Советов в январь 1935 г. Молотов детально цитировал «исключительно ценную работу», выполненную советской статистикой «под руководством т. Краваяля». Из нея явствовало, что уже к 1 января 1934 г. население СССР было 168 миллионов и делилось на группы такой-то и такой-то численности (приводить цифры не имеет смысла, главные из них оказались неверными). В стране все «пролетарское население» (рабочие, служащие, инженерно-технический персонал) и члены их семей пред-

ставляли — 47.118.000 душ. Вот отсюда мы и извлечем отмычку, чтобы открыть ларчик с секретами переписи 1937 г. По статистикѣ труда, а она довольно точна, извѣстно, что в 1933 г. персонал рабочих и служащих, занятых во всем народном хозяйствѣ, равнялся — 22.320.000. Этот персонал, вмѣстѣ с членами семей-иждивенцами, и составлял к 1 января 1934 г. указанные 47 миллионов. Значит, среди всего «пролетарскаго» населенія на одного активнаго — рабочаго и служащаго — приходилось, в среднем, 1,11 иждивенца. Отношеніе общаго населенія к активному было 2,11. Есть-ли в этом коэффициентѣ что-либо «вредительское»? Может-ли он какой-то несообразностью покровить наш статистическій разумок? Миѣ кажется, — нѣт. Правда, городская перепись 1923 г. дала для перевода активнаго населенія в общее гораздо болѣе высокій коэффициент. Он был тогда — 2,41. На одного активнаго приходилось 1,41 иждивенца. Но вѣдь с тѣх пор в демографической матеріи страны произошли огромныя измѣненія. Число многодѣтных семей сократилось, сильно выросло число однопѣтных. Матеріалы социальнаго страхованія, относительно пособій семьям умерших кормильцев, в 1927 г. регистрировали 47,4% семей с одним ребенком, а в 1930 г. 54%. По бюджетным обследованіям, в рабочих семьях крупной промышленности, в 1924 г. было 3,34 иждивенца, в 1927 г. 2,79 иждивенца, в 1935 году — только 1,59. Данныя, которыми мы располагаемъ о Москвѣ (ихъ можно вычислить по статистическому справочнику «Москва в цифрахъ») показываютъ, что отношеніе между общим и активным населеніемъ опредѣляется в ней даже не коэффициентом 2,11, а гораздо меньшим. В 1926 году — это 1,86, а в 1933 году — только 1,64. Количество работающих огромно, число иждивенцев ничтожно! На одного работающаго — 0,64 иждивенца.

Эти и ряд другихъ соображеній, излагать которыя здѣсь долго и не мѣсто, повторяю, приводят к убѣжденію, что коэффициент 2,11 весьма и весьма правдоподобен. Его мы и возьмем для провѣрки цифры С. Н. Прокоповича и, далѣе, для расшифровки новых исчисленій классоваго состава СССР, произведенных в 1937 г., когда стало уже ясно, что 180 миллионов нѣт в странѣ, как не было 168 миллионов к концу 1933 г. По Кравалю, за это время объявленному «врагом народа», «вредителем» и, несмотря на «исключительно цѣнную работу», посаженному в тюрьму, — все проле-

тарское население составляло к 1 января 1934 г. — 28,1%. По новым исчислениям (напечатаны в «Плановом Хозяйстве», в статистическом справочнике «СССР за 20 лет» и т. д.), общее пролетарское население, *цифра его не называется*, составляло к 1937 году в общем населении страны, а цифра ее, разумеется, *также не называется*, не 28,1%, а 34,7%. Хитрые люди! Прикрылись «процентами» и думают, что до абсолютной цифры враг никак не доберется. А ларчик просто открывается. Активное население из рабочих и служащих к 1937 г., т. е. в 1936 г., равнялось 25,8 миллионов. При коэффициенте 2,11, общее население рабочих и служащих с членами их семей — будет 54.438.000. А раз это составляет «34%» населения всей страны, вычислить последнее не трудно: оно 156.882.000.

С. Н. Прокопович, указавший 154.686.000, следовательно, не ошибся. Разница в 2 миллиона, меньше чем 2% — не есть ошибка. А, во-вторых, он сам подчеркнул, что возможны «отклонения в 2-3 миллиона» в обе стороны. Схему движения населения за годы пятилетки он дает в таком виде. Население в 1929 г. было 154,2 милл., в 1933 г. — 165,7 милл. и к 1937 — 154,6 милл. Выходит, что огромная убыль населения произошла вся, сразу, после 1933 года. Не думаю, чтобы дело происходило так. Убыль носила характер трагической плавности. Она началась с 1930 и непрерывно нарастала в течение 1931 и 1932 г. г. Это эпоха разгула насильственной коллективизации; поводов смерти — массовых выселений из деревни; годы физического истребления кулаков. Из советской литературы мы знаем, что в некоторых селах в это время почти не оставалось мужчин. «Увольнение от жизни» и огромное понижение рождаемости были таковы, что прирост населения в деревни никак не мог быть большим. Что же касается городов, их население увеличивалось за счет беглецов из деревни. Естественного прироста городов почти не было. За годы 1930-1936 городские работницы и женщины-служащие перестали рожать. Это следует из данных социального страхования. При огромном росте числа женщин в армии наемного труда, при росте номинальной платы, вследствие падения рубля, даже *при одном и том же проценте* рождаемости, пособия по беременности и родам в бюджете социального страхования должны были бы все время расти. Взяв же бюджеты социального страхования, мы найдем, что пособия по беременности и родам падали и упали почти до

нуля. Они составляли: в 1928 г. — 12,3% бюджета, в 1932 г. — 1,8% и в 1933 г. — 1,7% бюджета.

Когда-то Мальтус доказывал, что с отрицательною частной собственности на средства производства, как это имѣет мѣсто в СССР, у населенія не будет сдерживающихъ мотивов, оно станет размножаться с такой быстротой, что скоро «весь народ превратится в націю нищих, владѣющихъ общей собственностью». Совѣтская женщина опрокинула тезис Мальтуса. Нищія владѣлицы гигантскихъ заводов и всего всенароднаго достоянія, чтобы не плодить новыхъ нищих, — перестали рожать. Пособія по беременности и родамъ просто выпали изъ расходовъ соціального страхованія. Роды стали рѣдкостью. Беременность прерывалась абортами. Послѣдній принялъ всюду такіе неслыханные размѣры, что в 1936 году диктатурѣ, которая в это время уже замѣтила, что «кролики» перестали размножаться, пришлось принять драконовскія мѣры противъ аборта. Удивляюсь, почему теперь, когда всё панаста на Совѣтскую Русь объясняются проясками бухаринско - рыковскихъ вредителей и троцкистско-зиновьевскихъ шпионов, — уменьшеніе рождаемости и абортъ Кремль не приказалъ объяснить тѣми же причинами. Вѣдь читали мы у новаго шефа совѣтской статистики г. Саутина, что малый ростъ числа телятъ и «плохо проведенная случная кампанія» среди коровъ произошли отъ того, что «троцкистско-зиновьевскія банды умышленно заражали скот *инфекционнымъ абортom* («бруцеллезомъ»), и надо с энергіей выкорчевывать послѣдствія *этой* гнусной работы вредителей» (см. его статью «Ростъ соціалистическаго животноводства», «Правда», 17 апрѣля 1938 г.). Несчастлива страна, которой правятъ эдакіе вот «бруцеллезы»!

Итакъ, все, какъ будто, говоритъ за то, что к 1933 г. не могло быть 165 милл. душъ. Сколько было, не могу дать обоснованныхъ расчетовъ. Это и не важно. Человѣкоистребительный характеръ знаменитыхъ пятилѣтокъ представится со всею очевидностью, когда, не ограничиваясь послѣдними годами, мы развернемъ схему движенія населенія за длительный періодъ. По переписи 9 февраля 1897 г. Россія, в предѣлахъ нынѣшняго СССР, имѣла 103,9 милл. населенія. По исчисленію на 1 января 1914 г. — оно поднялось до 139,7 милл. По переписи 28 августа 1920 г. СССР имѣлъ 130,8 милл. По переписи 17 декабря 1926 г. — 147 милл. По исчисленію на 1 января 1929 г. — 154,8 милл. и на 1 января 1937 —

156,8 милл. Достаточно бѣглаго взгляда на эти цифры, чтобы убѣдиться, что во имя построения «соціализма», в сталинскія пятилѣтки, дѣйствительно, уничтожались миллионы и миллионы людей. В царской Россіи, при смертности, значительно превышавшей европейскую, населеніе за 17 лѣт увеличилось на 36 милл. В среднем, — на 2,1 милл. в год. За період 1920 - 1926 г. г., за шесть лѣт, оно увеличилось на 17 миллионѣв. В среднем — недалеко от 3 милл. в год. С 1929 г. по январь 1937 г., за 8 лѣт оно увеличилось всего на 2 милл. В среднем, на 250.000 тыс., — меньше шестой части процента в год! Это куда меньше, чѣм во Франціи. Такого уменьшенія прироста не было ни в одной странѣ міра, что не мѣшало совѣтским лгунам, именно в это время, ежедневно утверждать, что населеніе увеличивается в «неслыханном в капиталистических странах процентѣ» и «мрачным итогам капитализма СССР противопоставляет подлинный расцвѣт населенія» («Правда», 28 іюня 1936 г.) Эту ложь без тѣни критики повторыли многие экономисты и серьезные политики Европы (вспомните заявленіе Селлье во французском парламентѣ!). Если бы годовой прирост населенія в теченіе пятилѣток был бы не 3 миллионѣв, как в 1920-1926 г. г., а хотя бы 2,1 милл., как в царской Россіи за 8 лѣт с 1929 по 1937 г. населеніе должно было бы увеличиться, минимум, на 16,8 милл. Оно увеличилось на 2 милл. За сталинскія пятилѣтки страна потеряла, по самому скромному расчету, — *14,8 милл. душ*. Она потеряла их в видѣ душ, которыя при нормальной обстановкѣ должны были, но не появились на свѣт, и в видѣ жизней, уже существовавших и безпощадно раздавленных пятою «геніальнаго вожда мірового пролетаріата» в ходѣ строительства его «соціализма». Приведенныя цифры могут показаться коммарной фантастикой. К сожалѣнію, все говорит за то, что они вѣрны. Недаром же засекречена перепись. И недаром Сталин приказал, в слѣдном порядкѣ, ввести стахановщину на родильном фронтѣ, об'явив, что будет отнынѣ жаловать 5.000 рублей каждой матери, рождающей *одинадцатого* ребенка (декрет ЦИК и Совнаркома от 27 іюня 1936 года)!

Слѣдующая перепись будет в январѣ 1939 г. Раз Сталин приказал рожать, перепись, естественно, покажет «гигантское» увеличеніе населенія. Послѣ всего, что мы узнали, и особенно в послѣднее время, о совѣтской статистикѣ, о всѣх ея штучках (по-

лезно было бы осветить, как, например, она исчисляет национальный доход), вбрызнуть ей и в ее учет населения — абсолютно невозможно. Допускаю, что, вследствие ряда принятых мѣр и преслѣдованія аборта, в ближайшіе годы рождаемость повмнется, но нужно перестать думать, что Россія, как прежде, будет в первых рядах стран с максимальным процентом прироста населения. Экономика вліяет на демографію. Каждый экономическій уклад имѣет свои законы народонаселенія. Происшедшіе за пятилѣтку экономическія измѣненія столь велики, что неминуемо должны отразиться на демографіи, уменьшая прирост населения. При общинном распоряженіи землею, вплоть до послѣдняго времени активно существовавшем на широчайшем пространствѣ Россіи, на каждого родившагося вырѣзывалась земля, и тѣм в крестьянских семьях создавался стимул имѣть больше дѣтей. При коллективизаціи, как и при личной собственности на землю, этот стимул отпадает. *Огромнѣйшее* значеніе играет и переход населения в города, гдѣ естественный прирост населения всегда значительно ниже, чѣм в деревнѣ. В теченіе же пятилѣток прилив в города был градиозен. В самом дѣлѣ, — сколько сейчас в совѣтских городах жителей?

С. Н. Прокопович исчисляет их в 49.974.000. Такая цифра сначала кажется крайне ошибочной. Ея нѣтъ ни в одной из «плановых перспектив» до 1928 г. В прежних большевистских ориентировках стоит для городов на 1936 г. цифра 35 милл., на 1941 год — 40,6 милл. Цифру 49 миллионів нигдѣ не найдете. Это приращеніе «сверхплановое», внѣплановое — прямое дѣло рук политики «товарища Сталина». Но может быть, Прокопович ошибся? Нѣтъ. Мы узнали об этом из двух цифр, которыя, — поскольку перенесъ секретна, по педосмотру редакціи и цензуры, бросил в своей статьѣ в 1937 г. один совѣтскій экономист. Не желая подводить его в тюрьму за разглашеніе «государственной тайны», не назову его имени. Укажу только, что, имѣя перед собою цифру городского населенія по переписи 1937 г. и сообразуясь с нею, он вычисляет, что торговая сѣть в городах, состоя из 129.100 единиц, приходится на 385 человек населенія. Остается заняться умноженіем и получить: 49.703.000. Исчисленіе Прокоповича точно. Зная же цифры общаго и городского населенія, не трудно заключить о численности сельскаго населенія и, в дѣлях луч-

шаго освѣщенія вопроса, дать динамику демографіи города и деревни за длительный період.

	Город	Село	Все населеніе
Перепись 9 февр. 1837 г.	15.825.000	88.106.000	103.931.000
Исчислен. 1 янв. 1914 г.	25.800.000	113.900.000	139.700.000
Перепись 28 авг. 1920 г.	20.787.000	110.076.000	130.863.000
Перепись 17 дек. 1926 г.	26.314.000	120.713.000	147.027.000
Исчислен. на янв. 1929 г.	29.300.000	125.500.000	154.800.000
Исчислен. на янв. 1937 г.	49.703.000	107.179.000	156.882.000

С 1897 г. в царской Россіи, параллельно индустриализаціи страны, происходил огромный рост городского населенія. Ему сопутствовал очень большой рост сельскаго населенія. С 1914 г. населеніе уменьшается (война, гражданская война, голод, тиф, ленинскій «военный коммунизм»). Населеніе из голодающих городов бѣжит в деревню. С 1920 по 1929 г. положеніе выпрямляется и идет под прежним знаком до-военнаго процесса: рост городов и, вмѣстѣ съ тѣм, рост сельскаго населенія. В сталинскія пятилѣтки характер процесса абсолютно мѣняется. Города и поселки, утрачиваемые новопостроенными заводами тяжелой индустрии имени Сталина, имени Кагановича, имени Молотова, имени Ворошилова, пухнут от наплыва населенія, для котораго не приготовлено ни пицци, ни одежды, ни обуви, ни бѣлья, ни жилища. Сельское же населеніе не только не растет, а за самое короткое время тает на 18 милл. душ. Из совѣтской статистики извѣстно, что приблизительно такое количество людей, придя из деревни, «осѣло» в городах. Ну, а куда дѣвался прирост населенія? Вѣдь должен же быть какой-нибудь прирост. Трудно же допустить, что у 125 милл. сельскаго населенія за 8 лѣт не родилось ни одного человѣка? Отвѣтъ данъ выше: за пятилѣтки страна потеряла минимум 14,8 милл. людей, и мы видим, что их в подавляющей части потеряла именно деревня. Зданіе сталинскаго социализма воздвигнуто буквально на костях и трупах миллионов крестьян.

Достигла-ли эта крестьяно-истребительная индустриализація одной из своих главнѣйших цѣлей — расширить «пролетарскую базу» страны настолько, чтобы пролетариат, переставши быть «островком, тонущим в морѣ крестьянской мелкобуржуазной Руси» (слова Дзержинскаго), стал численно-мощной силой? К этому вопросу мы и перейдем, подвергая анализу классы и группы, составляющіе «безклассовое» совѣтское общество.

В новых данных о классовом составе СССР, замѣлвивших в 1937 г. подсчеты Кравала, фигурируют, как я уже сказал, лишь туманные проценты. Теперь зная цифру общаго населенія, можно проценты перевести в абсолютныя цифры. Нам указывают, что колхозное крестьянство и социальнo однородная с ним группа — кооперированные кустари и ремесленники, — городскіе и сельскіе, — составляют вкупѣ 55,5% населенія. Оно — 156,8 милл. Слѣдовательно, крестьянство колхозное и ремесленники — 87 милл. Насколько можно судить по имѣющимся у меня цифрам (признаюсь, устарѣлым и крайне шатким), группа кооперированнаго ремесла и кустарей представляет населеніе около 5 милл. На колхозное крестьянство, значит, приходится 82 милл. При 18,5 дворах в колхозах, на двор дадает 4,4 души, а не 4,8, как считает С. Н. Прокопович. Будь в них 4,8, крестьянство колхозов представляло бы 89 милл., а оно — 87 вмѣстѣ с ремесленниками.

Крестьяне единоличники и некооперированные кустари и ремесленники — 5,6% общаго населенія. Значит, — 8.780.000. Дворов - единоличников считалось 1.395.000; при 4,4 душах на двор — это 6.138.000. Остаток в 2.642.000 душ приходится на некооперированных кустарей и ремесленников. Переводя это общее населеніе в активное (при коэффициентѣ 2,1 - 2,4), получаем от 1 до 1,2 миллионoв удѣлвивших «частников» кустарей, ремесленников. Так-ли это? Возможно-ли это? Сталинское тоталитарное государство насильственно кооперирует, напримѣр, в Москвѣ уличных чистильщиков сапог. Как при этой политикѣ мог удѣлвѣть от «огосударствленія» цѣлый миллион кустарей и ремесленников, — непонятно? Но если данная интерпретация цифр вѣрна, из нея вытекает, что даже тяжелой гробовой доскѣ тоталитарнаго государства не удалось окончательно придавить поросли личной, частной инициативы, как не удалось ему уничтожить 18,5 милл. *личных* (и развивающихся: количество скота в них сильно растет) хозяйств колхозников *).

*) Дабы не было недоразумѣній в представленіи о деревенских кустарях и ремесленниках, нужно добавить, что в подавляющем большинствѣ случаев это тѣ же крестьяне с тѣм отличіем от чистаго земледѣльца, что в их бюджетѣ значительную роль играет доход от ремесла.

Во всех переименованных группах, т. е. крестьян колхозников, кооперированных ремесленников, крестьян - единоличников и частных - ремесленников — 95,7 милл. душ. По расчетам Кравая — 114,9 милл. Он «пересмахнул» на 20 милл. душ! Все ремесло, кооперированное и некооперированное (с членами семьи), — 7,6 милл. Если предположить, что половина его — в городах, тогда в деревни всех крестьян, крестьян-кустарей и ремесленников нужно будет считать около 92 милл. Выше указано, что сельское население 107 милл. Из него же образуется остальное, живущее в селах, население, численностью в 15 милл.? Из рабочих и служащих, находящихся в селах промышленных предприятий, строительных рабочих и служащих, занятых в совхозах и лесном хозяйстве, местной администрации (рай-и сель-советов), торговых служащих, служащих комиссариата просвещения, здравоохранения, народной связи и т. д. С 1923 г. эта часть населения в деревни увеличилась больше чем вдвое: с 3,2 до 7,3 милл. в 1935. Среди них больше всего персонала совхозов и МТС (2,3 милл.), работников лесного хозяйства (около 1,3), просвещенцев — 728.000, торговых служащих — 520 тысяч, работников здравоохранения 189 тыс. Вместе с членами семьи, они и составляют 15 милл. душ. Когда говорится о деревни, ее доля в товарообороте и национальном доходе, очень важно учесть удельный вес этой сильно возросшей группы.

Несколько слов о крестьянах-единоличниках. Их положение трагично. Диктатура недавно снова потребовала их скорейшего превращения в колхозников. Но колхозы с большой неохотой принимают новых членов, правильно полагая, что это ухудшает положение старых членов. С другой стороны, крестьянин, который, несмотря на его дьявольское утешение, предпочел остаться вплоть до 1937 г. горемыкой - единоличником, и сам, повидимому, не испытывает желания идти под бурмистров в колхозы. При дальнейшем давлении на него, делающем невозможным его существование на земле, он двинется не в сторону колхоза, а, в своей большей части, в города и в государственное хозяйство. Больше некуда. А это, при нынешних советских условиях, настоящее бедствие. Городское население нельзя больше увеличивать. Города и так распухли от излишка жителей. Страдают от недостатка всего, начиная с жилищ и кончая обувью и бельем. В государственном хозяйстве и без того двое работают там, где нужен один. Совет-

ские люди, несмотря на прививаемый им «бруцеллез», еще не окончательно потерявшие голову, понимают, что «недостаточно высокий уровень производительности труда», в государственных предприятиях, объясняется, как недавно писало «Плановое Хозяйство», — *«непомырно большим количеством занятых в них рабочих»*. Будь в Кремль не правительство Сталина, а правительство честного возвращения к широкому и прочному НЭУ, оно не стояло бы единоличников с мѣст, гдѣ они кормятся, в мѣста, гдѣ им трудно кормиться и гдѣ и без того людей много. Стоять единоличников с земли — лить воду на мельницу безработицы, которая в *скрытом видѣ* (излишки рабочих) существует почти на всѣх участках совѣтскаго хозяйства и при каком-нибудь сильном толчокѣ может широчайше проявиться, с молниеносной быстротой, в видѣ открытом. Одна из основных сейчас задач экономической политики заключается в возможно скорѣйшем создани *рядом* с государственным хозяйством, *внѣ* его, новых отраслей применения труда в видѣ частной торговли, частнаго строительства, частнаго земледѣлія и животноводства, мелкой промышленности, ремесла, частнаго лѣснаго хозяйства, частнаго рыболовства, частной охоты, частной организаци различных услуг. Рѣчь идет не о бессмысленной, на мой взгляд, и реакціонной идѣе (однако, живучей в нѣкоторых головах) *замѣстить* частным хозяйством государственное, разрушая послѣднее, а о том, чтобы частным хозяйством *дополнить* государственное, тѣм оздоровить его, извлекая из него и вообще излишки населенія и направляя их на творчество новых, дополнительных матеріальных цѣнностей, на удовлетвореніе потребностей страны дополнительной организацией услуг. Это вопрос о неизбѣжной, социалью и экономически нужной странѣ, консолидаци «средних классов» — мелкой буржуазии. Сталин, как замороженный раб, выполняя в этом пунктѣ программу «фашиста и шпиона» Троцкаго, поступит, конечно, иначе. Крестьян-единоличников, как всяких частных, он давит и задавит. Они — сучек в его глазу и скверный примѣр для принудительно сбитаго в колхозы крестьянства.

Слѣдующая общественная группа, в совѣтских подсчетах отнесенная в особую графу, помѣчена так: «учащіеся, пенсіонеры, армія и прочіе». Группа в цѣлом — 4,2%. При нашей цифрѣ населенія — это 6.585.000. Кто в каком числѣ входит в эту группу? Учащіеся? Но не учащіеся вообще, они входят в категорию ижди-

венцев, а учащиеся - стипендиаты. В 1937 г. в высших учебных заведениях было 443.000, а в «специальных средних школах» 592.000 стипендиатов. Армия? Со всеми своими солдатами, войсками ГПУ, красными офицерами и генералами, с семьями послѣдних, это, вѣроятно, максимум 1.400.000. Остаются пенсионеры. По послѣдней мѣ известной цифрѣ (на 1935 г.) число пенсионеров - инвалидов труда, по старости, за выслугу лѣт, вмѣстѣ с семьями умерших кормильцев, — 1.626.000. Округлим эту цифру до 1.800.000. Всего получится 4.236.000. Остаются еще «прочие», в количествѣ — 2.349.000. Кто же эти таинственныя «прочие»? Нужно полагать, населеніе тюрем и концентраціонных лагерей...

Я оставил для конца группу «пролетарскаго населенія». По поводу него требуется болѣе детальныя объясненія. В общем населеніи страны оно составляет 34,7%. В абсолютных цифрах, по принятому нами расчету, оно равно — 54.438.000 душ — и состояло к 1937 г. из 25,8 миллионa активнаго, работающаго населенія. Согласно старому (и негодному) правилу, в этой группѣ совѣтской статистикой смѣшаны в одно «пролетарское населеніе» рабочіе и служащіе. Подобный пріем распространен и среди многих социалистов Запада, полагающих, что служащій это только *Kravaten-proletariat*, «*proléttaire en faux col*», и ничѣм не отличается от рабочаго. Двигаясь по этой стезѣ, многіе политики на Западѣ начинают, без признаков анализа, складывать число рабочих и число служащих. Приходят к 65%, а в Англии можно притти и к свыше 85% активнаго населенія. Откуда один шаг (однако, в Англии его никто не дѣлает) до идеи «диктатуры» пролетаріата, как *большинства* населенія, ибо рабочіе и служащіе во всѣх индустріальных странах составляют подавляющее большинство. При этой конценціи исторія политических и социальных движеній в Европѣ и Америкѣ в послѣднія десятилѣтія вещь плохо понятная. Непонятны в демократических странах и составы парламентов. В индустріальных странах всюду подавляющее большинство «пролетаріата», а в парламентах оно никак «не вытягивается». Причина совсѣм не отсутствіе «классовой сознательности» у прелетаріата *en faux col*, а, наоборот, ея присутствіе. Ибо, хотя рабочіе и служащіе являются категоріями наемнаго труда и часто пути их борьбы полностью совпадают, ставить между ними знак равенства невозможно. У служащих иная роль в

общественном хозяйствѣ. Иной характер труда. Иная психологія, иныя идеологическія постройки, иныя перспективы и представленія.

Нужно особенно остерегаться механически ставить совѣтских служащих за одѣя скобки с рабочими. Нѣтъ болѣе туманнаго, болѣе неоформленнаго, себя не выявившаго, загадочнаго, полнаго противорѣчій, соціальнаго пятна, чѣм совѣтскіе служащіе. В их группу (вѣроятно, это большинство) входят чиновники и служащіе, подобные (по функциям) европейским, с тою только разницей, что на них принудительно надѣта коммунистическая фата. В группу — и в *очень изрядном* числѣ — входят «конкретные носители» и воплощатели идеи сталинской диктатуры, — выходцы из рабочей и мелкобуржуазной среды, с особой психологіей, подобіе которой можно найти *лишь* в фашистских странах. Среди служащих (инженерно - технического персонала больше всего) есть группа, выполняющая роль, несомую в буржуазных странах капиталистами, администраторами и предпринимателями. Есть группа, по функциям и скрытой психологіи, однородная с либеральными профессіями других стран, но существующая в СССР в послушном чиновничьем коконѣ, ибо государство свирѣпо тоталитарно. Наконец, среди служащих есть много таких, которые при других условіях были бы заурядными мелкими собственниками, маленькими предпринимателями, типичными представителями, так называемых, «средних классов». При неизбежно идущем и подготовляющемся измѣненіи режима, группа служащих в цѣлом обнаружит огромные вольт-фазы и из пынѣшняго гутеначнаго, *краснаго*, обличія служащих вылетит рой разноцвѣтных бабочек всѣх политических цвѣтов.

За годы пятилѣтки «класс» служащих обнаружил такой же численный рост, как и рабочіе. Относя к пролетариату, к классу физическаго труда, — рабочих, учеников, младшій обслуживающій персонал производственных отраслей, а весь остальной наемный люд к персоналу услуг, к «служащим», совѣтская статистика указывает, что за період с 1929 по 1935 год класс рабочих численно вырос с 7.762.000 до 15.988.000 человек, а группы служащих с 4.405.000 до 8.781.000. Служащіе составляют 35,5% общаго наемнаго персонала. При таком процентѣ нужно считать, что в народном хозяйствѣ в 1937 г. — в городѣ и деревнѣ — было занято 16.800.000 рабочих и 9.000.000 служащих. Отбрасы-

вая армию, пенсионеров, стипендиатов и т. д., беря главное, *основное*, активное население, сравним численность рабочих и служащих со всеми группами крестьянства и ремесленников. Их было 95,7 милл. душ. Но это общее население. Для сравнения с активным населением — рабочими и служащими — нужно выдѣлить активное население среди крестьян и среди ремесленников. Нѣсколько упрощая задачу, и тем довольно *сильно преуменьшая* активное крестьянское население, возьму только трудоспособную часть в возрастѣ от 15 - 59 лѣт, составляющую в крестьянствѣ по переписи 1926 г. 56%. Получится 53,6 милл. Мы имѣем, в итогѣ, возможность представить классовый состав совѣтскаго общества не так, как он давался в работѣ Кравала, в видѣ цифр общаго населенія по группам с иждивенцами, а в численном соотношеніи групп, составляющих его основное работающее население.

Классовый состав СССР.

Рабочіе	16.800.000	21,2%
Служащіе	9.000.000	11,3%
Крестьяне и ремесленники	53.600.000	67,5%
	<hr/>	
	79.400.000	100,0%

Нельзя не замѣтить, что процент рабочих, — взяты же все рабочіе, и совхозов, и занятые в лѣсном хозяйствѣ (полукрестьяне), — очень скромн. Прибавьте к нему еще нѣсколько милліонов, еще нѣсколько процентов, все равно процент будет низок. Такого процента нѣтъ *ни в одной* из индустриальных стран. Он ползет там к 50% и даже их превышает. В цѣлях расширенія «пролетарской базы» СССР, чтобы она не тонула в «крестьянском мелкобуржуазном морѣ», были потрясены и небо, и земля. Было уничтожено, по меньшей мѣрѣ, 14 милл. крестьянских жилищ, и около 18 милліонов крестьян переведены или вытолкнуты в города. Были пущены в ход все мѣры. Большаго уже сдѣлать нельзя. И, все-таки, послѣ пенетровств сталинских пятилѣток, «орабоченіе» страны достигло только 21%. Может подняться еще на нѣсколько пунктов, но не очень на много. Почему? Я говорил о том в предыдущей статьѣ (см. «Р. З.», Апрель). Против этого *властно* возстает *характер* импортированной из Европы и Америки техники, орудій производства-модерн, усовершенствованнаго технического оборудованія-модерн, рассчитаннаго на высочайшую про-

изводительность труда. Но либо использование, во всей ее мощи, заимствованной техники, тогда не нужно большого количества рабочих, тем больше их увеличения; это технико-экономический абсурд. Либо дальнейшее их беспорядочное увеличение, тогда новую технику, приобретенную в пятилетки, нужно или похерить, или пользоваться ею, как старой. Тоже абсурд. На Красноуральском мѣдном заводе рабочих почти в 10 раз больше, чем на однородно-оборудованном заводе Норанда в Канаде. На заводе Инланд-Стил К-о в Америке занято 9.200 рабочих, и они выплавляют 1,5 миллиона тонн стали. На столь же хорошо технически оснащенный завод Дзержинского на Украине занято 28 тысяч рабочих, и они выплавляют в *полтора* раза *меньше*. Можно ли тут думать об увеличении рабочих? А ведь так обстоит почти во всех областях. Здесь мы встречаемся с своеобразием рабочего вопроса России, многие его не желают замечать. В Европе и Америке рост численности рабочего класса, вследствие происходящей *технической мировой революции*, замедлился и прекратился, когда пролетариат, класс физического труда, дошел до 50 и выше процентов всего активного населения. В России, поскольку она хочет утилизировать новейшую технику, и не дотопно, рост пролетариата должен замедлиться, когда удельный вес рабочих в активном населении страны еще не дошел даже до 25%. Социально-политические последствия подобной ситуации, созданной мировым техническим прогрессом, в импортном виде перекочевавшим и в Россию, нужно учитывать при всех попытках прогноза изменений, ожидающих СССР в ближайшую пятилетку.

Основную группу активного населения (67%) составляют крестьяне и ремесленники. Освещение происходящих в ней процессов никак не укладывается в рамки моей статьи. Поэтому я перейду к служащим, одной из трех основных категорий населения СССР. Согласно марксизму, проповедуемому бывшим венгерским сельским учителем, а ныне всероссийским академиком Варга, единственным «продуктивным» элементом городского общества являются рабочие. Чиновники, служащие, все занятые в торговле, в банках, страховом деле, в ресторанах и отелях, в муниципальном хозяйстве им зачисляются в «непродуктивные» слои. Увеличение в этих областях персонала он объясняет только «растущим» в буржуазном обществе во время кризисов «паразитизмом», толкающим людей «в сферу обращения и личного обслу-

живанія». Взгляды Троцкого двигаются по тому же руслу. В советскую, непродуктивную, паразитическую бюрократию он, несомненно, относит всех без исключения, даже самых маленьких, служащих. Иначе, он никак бы не мог дойти до цифры в 25 милл. душ, которой он исчисляет «советскую бюрократию». Если, что, конечно, нелзяно, — относить к ней всех служащих, ее число, как мы видели, 9 милл. душ. С семьями, с иждивенцами (при коэффициенте 2,1) это составляет население в 18,9 милл. душ. Далеко еще до 25 милл. К этой советской «бюрократии» прибавим председателей, бригадиров, конторский аппарат колхозов (статистика их относит к колхозникам; подавляющая их часть, действительно, крестьяне). Колхозов в 1937 г. было 243 тыс. Преувеличенно считая в каждом по 10 человек административного, служилого персонала, не несущего физического труда, получим 2.430.000 чел. Вместе с 9 милл. ранее указанных лиц (а в них включены все Сталины (все Молотовы, все Кагановичи и Ежовы), это — 11.430.000 чел. «паразитического», «бюрократического» — служилого элемента, занятого в разных сферах народного хозяйства. Это предельно-максимальная цифра. В нее вошел весь партийный, весь административный, весь хозяйственный аппарат. С семьями, все-таки, она до 25 милл. не доходит. Эта масса людей, упрощенно именуемая нами «бюрократией», составляет 14,3% активного населения. В ее ведении управление, суд, хозяйственные и культурные функции. Ну, а в других странах, — каков процент в активном населении лиц, выполняющих функции, однородные с теми, что должны нести 11,4 милл. советских служащих? Сравнение затруднительно. Чтобы оно было больше или меньше возможно, в других странах нужно взять чиновников, служащих во всех областях, либеральную профессию и лиц, занятых в сфере личного обслуживания. Проконсультировав на этот счет переписи и подсчитав, мы найдем, что этот люд занимает не 14,3%, как в СССР, а во Франции минимум 17%, в Германии свыше 21%, в Англии свыше 26%, в Америке свыше 32% *).

Приведенные цифры могут поразить. А в них нет ничего непонятного. Чем экономически развитее страна, чем выше в ней техника, производительность труда, больше прибавочный про-

*) В состав советских служащих находится «правящая бюрократия» — администраторы-«хозяева» предприятий. На Западе им соответствуют собственники предприятий, их ведущие и администрирующие.

дует, чѣмъ относительно меньше ей нужно работников физическаго труда, тѣмъ большее число лицъ она можетъ и должна переводить изъ сферы физическаго труда въ сферу умственнаго труда, въ сферу управления, въ сферу обслуживания растущихъ, усложняющихся, рождающихся потребностей общества. Г-ну Варгъ эта истина недоступна. Онъ убѣжденъ, что должно расти число пролетаріата только лицъ физическаго труда. Идея о «пользѣ» обслуживания потребностей общества ему варварски чужда. Ему это кажется паразитическимъ занятіемъ. Послѣдствій техническаго прогресса онъ не понимаетъ. Поэтому-то онъ и утверждаетъ, что въ буржуазныхъ странахъ только «растущій паразитизмъ приводитъ къ тому, что число рабочихъ, занимающихся непосредственнымъ производствомъ цѣнностей, уменьшается, въ то время какъ число непродуктивно занятыхъ рабочихъ растетъ».

Оставляя пока вопросъ о полезности и качествѣ работы совѣтскихъ служащихъ («бюрократинъ»), а беря лишь ихъ процентъ, мы видимъ, что въ немъ ничего особо чудовищнаго нѣтъ. Ненормальна не его абсолютная величина, а другое: численное соотношеніе между служащими и рабочими. При такомъ огромномъ числѣ крестьянъ-земледѣльцевъ, какъ въ Россіи, современные общества обычно не имѣютъ такого процента служащихъ. Онъ слишкомъ великъ. Съ другой стороны, при такомъ количествѣ служащихъ современные страны не имѣютъ такого процента рабочихъ. Онъ малъ. Въ чемъ тутъ дѣло? Да въ томъ, что великое множество служащихъ («бюрокротовъ»), которые, при другой ситуаци, были бы простыми рабочими, крестьянами, ремесленниками, маленькими буржуа-предпринимателями, въ Совѣтской Россіи, въ процессѣ уничтоженія строя частной собственности и замѣны ея государственной, становились на службу государства, дѣлались инженерами, техниками, администраторами, судьями, слѣдователями, директорами, врачами, учителями, профессорами, товаровѣдами, служащими въ различныхъ сферахъ социальныхъ услугъ. Россія въ судорожномъ усиліи захотѣла обзавестись арматурой, несоотвѣтствующей уровню ея производительныхъ силъ, ея производительности труда, величинѣ создаваемого ея хозяйствомъ прибавочнаго продукта. Отсюда указанная выше дис-

При учетѣ этого факта, приведенныя цифры относительно иностранныхъ странъ можно увеличить. Для Франціи, съ ея множествомъ мелкихъ предприятий, процентъ будетъ, конечно, не 17%, а выше. То же и въ Германіи.

пропорции. В 1914 году в ней было 91 (большевики так считают) «высшее» учебное заведение. Сейчас в ней 700! «У нас 550.000 студентов, на 150 тыс. больше, чем в Германия, Италия, Англия, Франция, Япония вместе взятых» (речь Молотова). Организована обширная сеть хозяйственно-культурных услуг, потребовавшая крупного числа служащих. В народной связи (почта, телеграф, телефон, радио) в 1924 г. было 80 тыс. персонала. Нынче 334.000. В кредитном хозяйстве было 47 тыс., стало 152 тыс. (в Америке 1.196.000). В муниципальном, коммунальном хозяйстве было 67 тыс., теперь 508 тысяч. В охране народного здоровья было 251 тысяч, стало 1.156 тысяч. В просвещении было 492.000, стало — 2.190.000. В индустрии было 220 тыс. инженерно-технического персонала и служащих, стало 988.000. Во всех административно-хозяйственных учреждениях (от ЦИК и Госплана до сельсоветов) было 887 тыс., нынче 1.745.000. В общественном питании (ресторанной отрасли) было 20 тыс., теперь 484.000. Наконец, в торговле персонал с 248 тыс. поднялся до 1.957 тысяч (цифра просто *мизерная!*).

Выросшая «надстройка», завявшая миллионы служащих, стоит что-либо «продуктивным» классам — рабочим, крестьянам, или нет? Демагоги Кремля убеждают, что в СССР, не в пример капитализму, лечение, санатории, дома отдыха, клубы, театры, пионерские лагеря, просвещение и т. д. ничего не стоят трудящимся. «Все бесплатно». «Расходы несет государство», знаменитый рождественский дед или Провиданс. Даром же ничто не дается. И если рабочие и крестьяне хотят иметь больше учителей, агрономов, профессоров, больше аптек, больниц, гигиены и всяческих жизненных удобств, больше ресторанов и магазинов, — нужно за это работать, нужно платить, нанимать для этого особый класс людей-служащих, берущих на себя функцию «обслуживать» многообразные потребности. Услуги, без людей их оказывающих, с неба не падают. Что же в итоге получается? Получается, что, как ни мизерна, в сущности, плата служащих (профессор-доктор науки имеет в довоенных рублях около 55 рублей в месяц!), их содержание, при *низкой производительности труда «продуктивных» классов, крайне тяжело и рабочему, и крестьянину, и ремесленнику.* С помощью косвенного налога (на оборот), т. е. удорожания хлеба, ситца, сапог, одежды и т. д., государство выкраивает из национального дохода довольно изрядную часть на содержание

служащих, и тѣм, несомнѣнно, уменьшается реальная заработная плата рабочаго, вознагражденіе труда земледѣльца. «Надстрой-ка» СССР не по *базѣ*, не по уровню національной продукціи, не по уровню производительности труда 70 милл. рабочих, крестьян, ремесленников.

Какой отсюда вывод? Заклеймить, как «непроизводительный» элемент, миллионы за эти годы появившихся служащих, смѣшать их в одну кучу со сталинцами и всю эту бесполезную и вредную «бюрократію» революціонно разогнать?

Но с таким рѣшеніем нам, конечно, дѣлать нечего. В совѣтском служилом аппаратѣ много людей с партійным билетом, насильников, паразитов, бездѣльников, и управляют СССР люди, от которых страна болѣет и дрожит, как в лихорадкѣ. Вот *куда* смотрите, но не нужно социологически и экономически невѣрных обобщеній о чудовищной бюрократіи, с'ѣдающей, как саранча, національный доход! Бѣда не в том, что число служащих будто бы чудовищно. Вѣдь каждый день мы читаем, что в странѣ нѣтъ торговых служащих, нѣтъ профессоров, агрономов, редакторов, ветеринаров, врачей, фармацевтов, парикмахеров и т. д. Невѣрно и то, что группы служащих, огульно зачисляемых в преступную бюрократію, профѣдают народный доход. Так упрощенно нельзя подходить к вопросу. Нужно проанализировать совершенно ненормальную структуру совѣтскаго національнаго продукта (в отношеніи пропорціи производимых цѣнностей), понять его низкое качество (все изнашивается с невѣроятной быстротой),—тогда предстанут другія причины матеріальных бѣдствій населенія. Главное же вот в чем: вышніяше властители Кремля страждѣ не нужны, но созданныя за эти годы хозяйственныя организаціи и организаціи социальных и культурных услуг с многочисленным питатом служащих, ей, разумѣется, нужны. Онѣ плохи, их нужно лѣчить и исправлять, но без них и им подобных, в 20 вѣкѣ не обойтись. Бѣда в том, что под тлетворной властью Кремля труд служащих безмѣрно низкаго качества и не улучшается, а *ухудшается*. Низко качество фабричной продукціи, но еще ниже качество дирижируемой Кремлем административной, культурной, идейной «продукціи» служащих, качество всѣх форм обслуживания населенія. И много-ли толку, что «у нас 500.000 студентов», когда юрист из всей науки знает только, что людей можно разстрѣливать, математик не умѣет извлечь квадратнаго корня из девяти, а медик ищет пе-

чень в лѣвом боку. Не «разгон», а замѣна у всѣх категорій «служащих» труда неграмотнаго, низкокачественнаго, бессмысленнаго и потому общественно - бесполезнаго может *постепенно* исправить дѣло.

Ложен взгляд, что единственным продуктивным классом города является только пролетаріат, а всѣ остальные классы и группы паразитами сидят на его спинѣ и «пожирают» созданный рабочим продукт. Продукт общества — социальный продукт, создание всѣх без исключенія составляющих общество профессій. Он результат и физическаго, и умственнаго труда. В нем прямо и косвенно принимают участие Амперы, Эдиссоны, Кюри, рабочіе, администраторы, служащіе, люди, занятые в производствѣ, в сферѣ обращенія и в сферѣ услуг, хотя столь же несомѣнно, что в своей матеріальной формѣ продукт появляется на свѣт только от руки рабочаго, крестьянина, ремесленника. От величины создаваемой именно ими продукціи и от величины *тут* образующагося прибавочнаго продукта зависит, сколько *может* общество в данный момент затратить на свою культурную экипировку, направить на вознагражденіе тѣх, кто занят полезным трудом (чиновники, служащіе, ученые, всѣ либеральныя профессіи и т. д.), но не прямо в производствѣ. Ясно, что чѣм выше производительность труда рабочих, чѣм правильнѣ поставлены его цѣли (нельзя производить только чугун и игнорировать, как в СССР, производство ситца), чѣм больше будет прибавочный продукт, тѣм всѣм вообще классам физическаго труда будет легко имѣть, оплачивать создающую и им нужную *социально - культурную надстройку*, поддерживать которую в Россіи для них сейчас очень тяжело потому, что в ней преобладает низко-качественный, бесполезный, плохо себя окунающій труд и потому, что труд самих рабочих и крестьян малопродуктивен. В результатѣ, небольшой цирок національнаго дохода (из котораго огромная часть идет в накопленіе) дѣлится на 156 милліонов фдоков. Мы упираемся во всѣх областях в коренную проблему оздоровленія труда, повышенія его качества, разумности, культурности. *От нея никуда не уйти!* Она не рѣшается ежовщиной и безграмотной стахановщиной, но и *не какими-либо видами тропизма*, — она требует разумнаго измѣненія политической, экономическаго, социальнаго, идейнаго, психологическаго и моральнаго обстановки в странѣ...

Е. Юрѣвскій